

Н.П. Таньшина

Образ власти императора Николая I в представлениях современников-французов

Цель статьи заключается в реконструкции образа власти императора Николая I в представлениях современников-французов: маркиза А. де Кюстина, совершившего путешествие по России в 1839 г., барона П. де Баранта, в 1835–1841 гг. занимавшего пост посла Франции в Российской империи, и художника О. Верне, в 1836 и 1842–1843 гг. работавшего в России по личному приглашению императора. То есть это люди разных политических убеждений; разного рода занятий, по-разному воспринимавшие российскую действительность. Но при этом образ власти Николая I и образ самого государя у всех троих вырисовывается сходный, и в целом – весьма привлекательный. Статья выполнена в методологии междисциплинарного синтеза с опорой на имагологический подход.

Ключевые слова: российско-французские отношения, маркиз А. де Кюстин, барон П. де Барант, О. Верне, император Николай I, взаимные представления, стереотипы восприятия.

«Когда говорят о России, то при этом
говорят об императоре Николае»

*(Из письма князя К. фон Меттерниха
посланнику в Петербурге
К.-Л. Фикельмону)¹*

После окончания Наполеоновских войн позиции России в Европе значительно окрепли: Россия внесла решающий вклад в разгром Наполеона и в формирование послевоенного устройства, оформившегося в рамках Венской системы международных отношений. Политика «европейского концерта» предусматривала сохранение баланса сил. Однако в 1830 г. европейская стабильность

была нарушена, а Европу накрыла революционная волна. Император Николай I, ревностный защитник принципа легитимизма, воспринял это чуть ли не как личное оскорбление, поскольку с особым трепетом относился к тому, что считал «завещанием» своего брата Александра I. Стремлением восстановить легитимный порядок было продиктовано намерение Николая Павловича подавить революцию во Франции, организовав туда вооруженную интервенцию. Несмотря на то что император, поразмыслив, остыл и признал режим Июльской монархии, во Франции, да и в целом в Европе, намерение государя «спасти Францию» породило страх. По сути, были возрождены опасения 1814–1815 гг., когда французы, надлежащим образом обработанные наполеоновской пропагандой, боялись вторжения полчищ ужасных казаков и варваров. Теперь Николая сравнивали с Атиллой, а русских – с новыми гуннами, жаждущими покорить Европу. Особенно репутацию Николая подмочило польское восстание 1831 г. и его подавление русскими войсками. Западноевропейская пресса, публицистика и поэзия, причем не только революционного направления, рисовала образ Николая – душителя демократии, «кроваждного медведя», стремившегося «запустить свои когти в Европу»². А польские эмигранты, осевшие во Франции и Англии, стали источником постоянных русофобских настроений. С одной стороны, эти настроения активизировались под влиянием успешной внешней политики России. С другой стороны, они являлись следствием традиционного многовекового противопоставления «цивилизованной» Европы и «варварской» России, управляемой самодержавным деспотом.

Однако при этом европейцев, в том числе и французов, всегда тянуло в Россию, а интерес к «загадочной русской душе» был неиссякаем, несмотря на ограничение контактов между Россией и Францией после Июльской революции 1830 г.: Николай шел на эти ограничения сознательно, дабы не допустить проникновения в Россию «революционной заразы».

Какой же образ власти императора Николая I сложился у французов, посетивших Россию? Примерно в одно и то же время в нашей стране оказались трое известных французов. Один – убежденный легитимист маркиз Астольф де Кюстин, отправившийся в Россию в 1839 г. искать доводов против представительного правления, а вернувшийся убежденным противником российского самодержавия, написавший книгу, на полтора столетия подмочившую репутацию России, создав образ «империи кнута» и «пустыни без отдыха». Второй – либерал-орлеанист барон Проспер де Барант, в 1835–1841 гг. занимавший пост посла России во Франции, сим-

патизировавший нашей стране, не считавший ее варварской и дикой, и тоже написавший книгу – «Заметки о России». Но если работа Кюстина стала бестселлером, то книга Баранта оказалась почти забыта: она была опубликована во Франции только однажды, в 1875 г., и на русский язык никогда не переводилась. И третий француз – наполеонист, прославленный художник-баталист, Рубенс XIX века, как его называли, Огюст Верне, дважды, в 1836 и 1842–1843 гг., посетивший Россию по личному приглашению императора Николая и оставивший свои письма, адресованные жене, но имевшие совсем не интимный, а политический характер и предназначавшиеся, вероятно, в том числе и королю Луи-Филиппу (на Верне была возложена неофициальная дипломатическая миссия склонить Николая I к нормализации отношений с Францией).

Таким образом, это люди разных политических убеждений; разного рода занятий, по-разному воспринимавшие российскую действительность. Но при этом образ власти Николая I и образ самого государя у всех троих вырисовывается сходный. И в целом – весьма привлекательный, даже у маркиза Кюстина.

Все трое были лично знакомы с Николаем Павловичем: Кюстину государь благопритствовал, именно он порекомендовал ему посетить Ярославль, Нижний Новгород, Москву, подчеркивая, что Петербург – это не Россия. Художнику Орасу Верне была оказана исключительная честь: ему было предложено сопровождать императора в путешествии по России вместе с царским фаворитом графом Орловым и начальником почт генерал-адъютантом Адлербергом³, а за свои живописные работы Верне был весьма щедро вознагражден.

Проспер де Барант часто встречался с государем по долгу дипломатической службы, а с Россией познакомился, возвращаясь в нашу страну из очередного отпуска морским путем, через Одессу, посетив многие русские города, включая Севастополь, Ялту, Симферополь, Харьков, Курск и Орел.

Конечно, именно император привлекал первостепенное внимание французозов: они прекрасно понимали, что все нити власти сходились в руках Николая, и именно он персонафицировал власть как таковую.

Проспер де Барант, едва оказавшись в России, очень быстро уловил главную особенность российской политики и механизм принятия политических решений в России: все важнейшие вопросы решались исключительно императором. Так, например, характеризуя личность генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича и отдавая должное его заслугам, Барант подчеркивал: «Это, без сомнения, достойный генерал, но ему, как и всякому другому в России, не дозволено быть политическим деятелем. Его поведение и даже его мысль – это

пассивное повиновение; ему незачем давать совет своему суверену, если он не совпадает с его настроениями и наклонностями»⁴.

Эту же важнейшую деталь подчеркивал и художник Орас Верне: «Все, что делается без участия общественного мнения, а лишь по воле одного человека, прекрасно организовано. Армия, школы, больницы приведены в образцовый порядок, и в них даже видна некоторая роскошь»⁵. Хотя, по его же словам, такой порядок наблюдается далеко не везде.

Кюстин, будучи представлен наряду с другими лицами императору, также точно подметил: «Все чувствовали, что императору довольно одного слова, одного взгляда, чтобы составить определенное мнение о каждом из гостей, а мнение императора – это мнение всех его подданных»⁶.

Николай, по мнению Кюстина, не просто решал абсолютно все; он, как Левиафан Гоббса, был всепроникающим: «Эта непрерывная царственность, которой все непрерывно поклоняются, была бы настоящей комедией, когда бы от этого всечасного представления не зависело существование шестидесяти миллионов человек, живущих потому только, что данный человек, на которого вы смотрите и который держится как император, позволяет им дышать и диктует, как должны они воспользоваться его дозволением...»⁷.

Все французы подчеркивали предельную вежливость и любезность государя в общении. Верне откровенно восхищался Николаем, именуя его «Великим Человеком». Он писал жене: «Сам император, как всегда, являет собой образец совершенной красоты. Что я сделал для него? Пока еще совсем ничего, а он тем не менее обходится со мной так, словно сам обязан мне, да еще и почитает меня равным среди всех окружающих его персон!»⁸.

Маркиз де Кюстин, создавший крайне неприглядный образ России, лично к государю испытывал неизменное уважение и даже сочувствие: «Как бы там ни было, удивительная судьба российского императора внушает мне живой интерес и вызывает сочувствие: как не посочувствовать этому прославленному изгою»⁹.

Все трое прекрасно понимали, что императора Николая на Западе плохо знали, больше на уровне слухов и домыслов. Верне писал: «...еще раз повторяю свое давнее убеждение: Европа глубоко заблуждается относительно характера его Величества»¹⁰.

Кюстин в своей книге приводит очень точное наблюдение императрицы Александры Федоровны, которая в разговоре с ним заметила: «Если мы вам понравимся, вы скажете об этом, но напрасно: вам не поверят; нас знают очень мало и не хотят узнать лучше»¹¹. Это весьма характерная деталь: она объясняет, почему из книги

Кюстина, где было сказано много хорошего о России, надергали нужных цитат, составив своеобразный дайджест, или пасквиль, растиражировав нужные клише и стереотипы.

Характеризуя личные качества Николая, французы, как, впрочем, и соотечественники императора, подмечали такое свойство его характера, как жестокость. Верне писал: «Я отдаю ему справедливость – это человек необыкновенный, но все-таки еще далекий от совершенства. Он обладает всем, чтобы завоевать сердца людей независимых; но когда у него есть хоть наималейшая власть, жестокость его такова, какой я не встречал ни у одного человека». Правда, отмечал Верне, «для поддержания всеобщего повиновения он и не может вести себя иначе». Художник связывал это с особенностями русского характера: «Русские во всех слоях общества настолько склонны к беспечности, что их можно сдерживать только страхом. Если русский не дрожит от страха – это самый никчемный человек в свете»¹².

Совсем иначе страх, присущий русским, трактовал Кюстин: «Страх в России замещает, то есть парализует, мысль; из власти одного этого чувства может родиться лишь видимость цивилизации; да простят меня близорукие законодатели, но страх никогда не станет душой правильно устроенного общества...»¹³.

Жестокость Николая подмечал и Барант, в целом оценивая образ правления позитивно. Он писал министру иностранных дел графу Луи Моле 22 декабря 1838 г.: «Его повеления могут быть суровыми, его воля – абсолютной и слишком быстрой, но у него больше, чем у всех окружающих, стремления к порядку, желания справедливости, любви к стране. Эти чувства бывают у него иногда дурно направлены, в его действиях нет иногда зрелого размышления, и это придает часто его правлению тираничный вид... Но, взятое в целом, его управление внутренними делами продолжает увеличивать силу и процветание империи и благосостояние его подданных»¹⁴.

Европейцами Россия часто воспринималась как восточное государство, более того, как восточная деспотия. Именно таковым считал правление Николая маркиз де Кюстин, подчеркивая неограниченный характер его власти: «Сегодня нет на земле другого человека, наделенного подобной властью и пользующегося ею, – нет ни в Турции, ни даже в Китае»¹⁵.

Восточным государством считал Россию и Орас Верне, отмечавший: «В сущности, разница между Россией и правлением Мехмет-Али не столь уж велика». Правда, это сходство он усматривал прежде всего не в деспотичности режимов, а в общности проблем: «Здесь, как и в Египте, внутри всего нарыв, который неизбежно прорвется»¹⁶.

Барант в этом плане был более сдержан. Он не считал Россию варварским, деспотичным государством, более того, подчеркивал общность путей развития России и Европы. В то же время он четко понимал, что Россия имеет собственную специфику, и ее нельзя подгонять под западные шаблоны и стереотипы. Об этом он писал графу де Моле 22 февраля 1838 г.: «Система управления и законы, действующие в [Российской империи], не могут сравниться с законами европейских государств. Их нужно рассматривать только применительно к русскому народу и к территории, на которой они действуют. Все и всегда там было отлично от того, что существует на Западе, и мы рискуем ничего не понять, если будем судить о русских по нашим меркам и представлениям»¹⁷.

Характеризуя состояние российской политической системы, Барант подчеркивал, что власть Николая I не имела своим началом «персональные фантазии» суверена: «Очевидно, между государем и подданными существует негласный договор, основанный на убеждении, что власть должна служить общественному благу, действовать в соответствии с разумом и справедливостью». Россия, по словам дипломата, прошла путь от «...абсолютной монархии, опирающейся на волю и страсти суверена», до монархии внешне также абсолютной, но «...ощущающей свой долг по отношению к стране и использующей свою власть во имя общественного блага»¹⁸. Более того, Барант, убежденный противник неограниченной власти, сам факт существования абсолютной монархии признавал совершенно необходимым для России. Это убеждение было свойственно едва ли не всем послам Франции в рассматриваемое время.

Россия в годы правления Николая I встала на путь активного реформирования общества. Это видели и французы, однако оценивали по-разному: если Барант и Верне позитивно воспринимали изменения, то Кюстин оценивал эти перемены настороженно. Барант, вовсе не идеализируя Россию и понимая, что ей далеко до цивилизованной Европы, видел главное: Россия встала на путь модернизации и медленно, но неуклонно двигалась в том же направлении, что и Европа. Он проводил водораздел между временем правления императора Павла I и николаевской Россией: «Между Россией 1801 г. и Россией 1837 г., между эпохой безумств Павла и царствованием императора Николая существуют важные различия, хотя форма правления и общественные классы внешне остались теми же»¹⁹.

Позитивные перемены в жизни России признавал и Верне: «...у меня нет никакого сомнения в том, что создаваемые правительством учреждения, несмотря ни на что, способствуют прогрессу»²⁰. Он, правда, подмечал военизированный характер преоб-

разований: «Здесь свобода вводится через армию. Каждый солдат становится свободным человеком, а его дети получают образование и достигают унтер-офицерских чинов...»²¹. И что особенно важно, Верне полагал, что преобразования – это те же «потемкинские деревни», лишь внешняя видимость.

Маркиз де Кюстин также видел серьезные изменения, происходящие в России, но последствия оных воспринимал как весьма опасные для Запада и самой России. Он усматривал гремучую смесь в активном заимствовании Россией как западных, так и восточных традиций: «Вообразите себе сноровку наших испытанных веками правительств, поставленную на службу еще молодому, хищному обществу; западные правила управления со всем их современным опытом, оказывающие помощь восточному деспотизму; европейскую дисциплину, поддерживающую азиатскую тиранию; внешнюю цивилизованность, направленную на то, чтобы скрыть варварство и тем продлить его, вместо того чтобы искоренить; узаконенную грубость и жестокость; тактику европейских армий, служащую к укреплению политики восточного двора; представьте себе полудикий народ, который построили в полки, не дав ни образования, ни воспитания, и вы поймете, какое моральное и общественное состояние русского народа»²². Кстати, эти опасения выражал и Верне: «Этой громадной армии когда-нибудь понадобятся враги, и чем больше завоеваний она делает, тем больший страх будет вызывать Россия у других стран»²³.

По-разному французы воспринимали и степень развития в России того, что на Западе уже называлось институтами гражданского общества. Барант был настроен весьма оптимистично. Он полагал, что в России не только власть изменила свое отношение к народу; изменились и сами люди. Несмотря на то что «...классы, составляющие нацию, остались в прежнем положении, без расширения их прав, без видимого изменения их положения, они уже далеко не те, какими были тридцать лет назад»²⁴.

Верне особенно поражало отсутствие в России социальной мобильности, лифтов: «Солдатские дети никогда не поднимутся выше унтер-офицеров... Здесь трудятся, не заботясь об урожае. Прививают апельсины к елям и надеются на добрые плоды»²⁵.

И совсем средневековую картину взаимоотношений подданных с властью представил Кюстин. По его мнению, для русских свойственно обожествление власти, ее восприятие как сакральной: «Русские почитают верховную власть как религию, авторитет которой не зависит от личных достоинств того или иного священника»²⁶. Соответственно все, происходящее от власти, священо, а ее

авторитет – непреерекаем; отсюда и рабская психология русского народа, и отношение власти к подданным как к рабам.

Если относительно степени развития институтов гражданского общества мнения французов расходились, то все они не принимали политику ограничения контактов с Западом, проводимую Николаем. И сдержанный Барант, и более эмоциональный Кюстин были в этом отношении единодушны. Барант писал: «Он уже преуспел в том, чтобы изолировать высшие классы не от нравов, не от моды, не от роскоши... Парижа и Лондона, но от обмена идеями и мнениями... Всякое подражание за границе, вместо того, чтобы быть разумно ограничено, запрещается при одном лишь намеке на сходство»²⁷.

По мнению же Кюстина, Николая и в целом русских даже преследовал призрак «злосчастного мнения Европы». Маркиз полагал, что русский человек в целом был подвержен ксенофобским настроениям: «Здесь правительство с его византийским духом, да и вся Россия всегда воспринимали дипломатический корпус и западных людей вообще как недоброжелательных и ревнивых шпионов. Между русскими и китайцами есть то сходство, что и те и другие вечно полагают, будто чужестранцы им завидуют; они судят о нас по себе»²⁸.

Важнейшая проблема, на которую не могли не обратить внимания французы – это крепостное право. Для Кюстина Россия в целом была страной рабов, несмотря на статус человека; Барант и Кюстин очень серьезно относились к проблеме крепостничества. Барант предостерегал, что нерешенность крестьянского вопроса могла привести Россию, правда, в «весьма отдаленном» будущем, к серьезным потрясениям: «Чем больше я об этом размышляю, тем больше мне кажется, что русское правительство, которое, нельзя сказать, что не предпринимает никаких мер для предотвращения восстаний, своими ошибочными действиями только готовит почву для будущих потрясений»²⁹.

Усилия императора по решению крестьянского вопроса были подмечены и Орасом Верне, писавшим на родину: «Убежден, что император ни к чему так не стремится, как к освобождению крепостных, но при столь развращенных нравах это невозможно... Для русских, от князя до мужика, совершенное счастье заключено в легкомыслии и безделье»³⁰. По опыту своей страны Верне отчетливо понимал, к чему может привести нерешенность насущных социальных проблем: «Как я уже говорил, в этой стране зреет нарыв, который, несомненно, прорвется, и все, у кого нет бороды, будут изничтожены»³¹.

Итак, какие же выводы делали французы, на чьи мнения мы ссылались относительно российской политической системы и перспектив развития России? Мнение Кюстина очень пессимистично:

«Россия – это безжизненное тело, колосс, который существует за счет головы, но все члены которого изнемогают, равно лишенные силы!..»³². Однако к русскому народу Кюстин относился с состраданием, а вовсе не с презрением: «Тяжелое чувство, владеющее мною с тех пор, как я живу среди русских, усиливается и оттого, что во всем мне открывается истинное достоинство этого угнетенного народа. Когда я думаю о том, что мог бы он совершить, будь он свободен, и когда вижу, что совершает он ныне, я весь киплю от гнева»³³. Эта проникнутая болью фраза может быть настоящим контраргументом другому, «растиражированному» Кюстином образу России, созданному по материалам его книги.

Щедро одаренный императором, Орас Верне покидал Россию с облегчением, воспроизводя в своих мыслях укоренившиеся клише: «О! Как жаль, что я не медведь! Эти существа знают свою страну и как в ней приспособиться: спят по полгода и сосут лапу, а живут только в остальные шесть месяцев. Но мы-то люди, и что нам здесь делать?»³⁴. И далее совсем уже безнадежно: «Нет, нет и тысячу раз нет – никакой цивилизации никогда не будет в этом гнусном месте. Самое большее, она может некоторое время прикидываться, будто существует здесь»³⁵.

Барон Проспер де Барант оказался, на первый взгляд, более оптимистичным: «...значительная часть нации... еще такая униженная и смиренная, значительно выросла в плане укрепления своего материального положения, приобщения к просвещению, осознанию своего достоинства. Она заслуживает лучшей доли и стремится к ней». Однако дальше оптимизма становится меньше. «...В это самое время правительство и часть высших слоев общества все больше и больше стремятся сохранить дистанцию и различия между собой и остальной страной. Они отказывают нации в правах, ставших справедливыми и законными. С помощью репрессивных мер они хотят сохранить тот порядок вещей, время которого уже прошло. Тем самым они готовят почву для революций. И чем больше эти революции будут сопряжены с изменениями не только власти, но и общества, тем более ужасными они будут»³⁶. И хотя в 1848 г. революция разразилась не в России, а во Франции, слова Баранта воспринимаются пугающе пророческими...

Примечания

¹ *Бре О., де.* Император Николай и его сподвижники // Николай I: pro et contra. Антология. СПб.: НОКО, 2011. С. 399.

² *Ляшенко Л.М.* Николай I: Случайный император. М.: АСТ-Пресс, 2013. С. 14.

- ³ *Верне О.* При дворе Николая I: Письма из Петербурга / Пер., вступ. ст. и коммент. Д. Васильева. М.: РОССПЭН, 2008. С. 105.
- ⁴ *Varante P., de.* Souvenirs du Baron de Varante: 1782–1866. Т. 1–8. Т. 5. Р.: Calmann Lévy, 1895. Р. 251.
- ⁵ *Верне О.* Указ. соч. С. 27–28.
- ⁶ *Кюстин А., де.* Россия в 1839 году. Т. 1–2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2008. Т. 1. С. 163.
- ⁷ Там же. С. 219.
- ⁸ *Верне О.* Указ. соч. С. 21.
- ⁹ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 161.
- ¹⁰ *Верне О.* Указ. соч. С. 21.
- ¹¹ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 163.
- ¹² *Верне О.* Указ. соч. С. 32.
- ¹³ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 221.
- ¹⁴ *Тарле Е.В.* Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов в 1842–1847 гг. // Тарле Е.В. Сочинения: В 12 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957–1962. Т. 4. С. 572.
- ¹⁵ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 219.
- ¹⁶ *Верне О.* Указ. соч. С. 12.
- ¹⁷ Цит. по: *Черкасов П.П.* Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга (1856–1863) // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 8. М., 2008. С. 168.
- ¹⁸ *Varante P., de.* Notes sur la Russie. Р.: Michel Lévy frères, 1875. Р. 104–105.
- ¹⁹ Цит. по: *Черкасов П.П.* Указ. соч. С. 168.
- ²⁰ *Верне О.* Указ. соч. С. 22.
- ²¹ Там же. С. 22.
- ²² *Кюстин А.* Указ. соч. С. 219.
- ²³ *Верне О.* Указ. соч. С. 12.
- ²⁴ *Varante P., de.* Notes sur la Russie... Р. 108.
- ²⁵ *Верне О.* Указ. соч. С. 33.
- ²⁶ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 160.
- ²⁷ *Varante P., de.* Notes sur la Russie... Р. 314–315.
- ²⁸ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 221.
- ²⁹ *Varante P., de.* Notes sur la Russie... Р. 312.
- ³⁰ *Верне О.* Указ. соч. С. 50–51.
- ³¹ Там же. С. 33.
- ³² *Кюстин А.* Указ. соч. С. 221.
- ³³ Там же. С. 232.
- ³⁴ *Верне А.* Указ. соч. С. 71.
- ³⁵ Там же. С. 71–72.
- ³⁶ *Varante P., de.* Notes sur la Russie... Р. 315.